

Выпуск № 152
Пятница, 15 октября 1927 г.

Издания гильз пятнадцатый.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Главная редакция: Москва, Архивный переулок, № 15. Телефон: 1-15. Цена: 10 копеек.

ПОКУПАЙТЕ
МЕХАНИЧЕСКИЕ ГИЛЬЗЫ
ЗВЪЗДА
ФАБРИКИ
ТОРГОВОГО ДОМА
№1 В.А. БѢЛОУСОВА

МАГАЗИНЫ:
на Сретенке, около Сахарной Бани.
на углу Тверской и Охотного ряда.
на Страстной площади.
на Смоленском рынке.

Нижегородская - ярмарка.
Басилейная - Сыржонный ряд.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
МОСКВА
ВАРВАРКА.

СЕДЬМОЙ НАВЕС ПРОДУВНОГО РЯДА,

или Как торговали и говорили в старой Москве

В каждой профессиональной среде в дореволюционной России бытовали свои поговорки, прибаутки и острые слова. В речи мастеров, выкриках зазывал, байках извозчиков найдется и остроумный каламбур, и яркая и точная характеристика, вроде «с тела вы лебедь-с, а с души сухарек»

Сам ловил, сам продаю

Зазывные выкрики торговцев должны были рекламировать товар, однако, многие приговоры имели чуть ли не противоположный смысл. Расчет делался на то, что покупатель просто остановится послушать бойкую речь: «Адресочек наш не запомните – Продувной ряд, Муромский лес, в нем седьмой навес, от дороги влево, где заячья тропа, да прогон скота; прямо не идите, взад не заворачивайте – сразу найдете!». Балаганное начало пронызывало торговый и профессиональный быт старой Москвы, демонстрируя настоящие сокровища народной языковой культуры.

На Птичьем рынке, на Трубной площади толпа покупателей и продавцов была попестрее, чем на Сухаревке, о птицах с красивым оперением, но плохо поющих, говорили так: «Перья на три копейки, а по пению – в форточку!». Старые птичники, чтобы постоянный покупатель чаще приходил за новым товаром, снабжали его птицами, которые быстро погибали в неволе. Для этого использовали жестокий прием: вынимая выбранную птицу из клетки, продавец незаметно сдавливал ее под крыльями. Принесенная с рынка, она хирела и умирала через несколько дней. Про проданную таким способом птицу говорили: «Ты синицу ему, я вижу, на Ваганьково продал!». Покупатели, знавшие о таких нечестных приемах, пересаживали птиц сами.

Свои шутки и курьезные словечки бытовали в Верхних торговых рядах Москвы, построенных на Красной площади в начале 1890-х годов по проекту академика А.Н. Померанцева. По обычаю прежнего времени приказчики стояли снаружи на улице и наперебой приглашали в свой магазин каждого прохожего. В искусстве зазывания

Татьяна Сидорина
историк-архивариус

Улица Моховая. Вид от Большой Никитской до Тверской. В нижних этажах двухэтажных домов конца XVIII века помещались преимущественно книжные магазины, а в верхних – дешевые меблированные комнаты, где жили большей частью студенты Московского университета

они щеголяли друг перед другом: «Шелк, атлас, канифас, весь девичий припас! Вакса, личная помада, духи “Сирень” – прямо из сада! Сходно продаем, премию в сувенир даем!». Иногда продавцы сговаривались и устраивали потехи над любившими потроговаться покупателями. Особенно доставалось духовным лицам. Появится скупец в одном конце торговой галереи, а торговцы уже готовы «зеленить» или «краснить» батюшку. Потеха эта заключалась в том, что какого бы цвета материя не пожелал посетитель, на всех прилавках ему показывали только одну расцветку. Протестующего покупателя серьезнейшим образом уверяли, что он ошибается, так как

предлагают ему желаемое. В конце концов, человек начинал сомневаться, а все ли у него в порядке со зрением.

В 1915 году в Москве в Охотном ряду были известны два торговца-частника, чьи магазины находились рядом. Они конкурировали странным образом. На одной из палаток красовалась надпись: «Сам ловил, сам солил, сам продаю!». Рядом с ней была помещена в рамке фотография мужчины в атлетическом трико с лихо закрученными усами. Владелец стоял одетый в северную меховую малицу, тюленью шапку с длинными ушами и расписные пимы. Он был вооружен ножом, которым разделывал рыбу. На соседней палатке, торговавшей тем же товаром, висела другая надпись: «Сам не ловил, сам не солил, а дешевле соседа продаю!».

Вид на торговые лавки Мясницкой улицы

УТВЕРЖДЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОВОРА

Долгое время на разных российских территориях существовали диалектные разновидности русского языка, на которых говорило все население соответствующих земель, независимо от социального положения. Однако к XVI веку, в связи с объединением русских земель вокруг Москвы, образцовыми становятся произносительные нормы московского говора: современный тип литературного *аканья*, местоименные формы *меня, тебя, себя*, а также произношение взрывного «г» и твердого «т» в окончании глаголов 3-го лица, единственного числа настоящего времени.

Современное русское литературное произношение начало складываться еще в XVIII веке на основе так называемого московского просторечия, образовавшегося на базе взаимодействия северновеликорусских и южновеликорусских говоров. Столетие спустя старомосковское произношение сложилось во всех основных чертах и, как образцовое, распространило свое влияние и на произношение населения других крупных культурных центров, в том числе и Санкт-Петербурга, где оформился самостоятельный вариант петербургского произношения. В настоящее время тенденция к сглаживанию различий между московским и петербургским произношением стала еще очевиднее

Владелец, в противоположность конкуренту, был одет в русский кафтан и широкий белый фартук. Невдалеке от этой забавной пары расположился продавец живой рыбы с корзиной. Пользуясь веселым настроением покупателей, посмеивавшихся над его соседями, на вопрос: «Рыба-то есть?», отвечал: «Как рыбе не быть? Всякая есть – локтей в шесть, окуни да язи валяются в грязи, ерши да караси – от них боже упаси».

В ряду магазинов готового платья продавцы должны были не только исхитриться сбывать за высокую цену дешевую вещь, но прежде заманить покупателя. Какого-нибудь провинциального прохожего обступала толпа говорунов и почти в один голос, вежливо раскланиваясь, балагурила: «Не из платья ли что-нибудь желаете выбрать? Всякого фасону, на любую комплектацию польты. Тройка пиджачная на ваш рост и фигуру...». Под таким напором человек позволял втащить себя за рукав в ближайший магазин. Здесь его проводжали в примерочную и буквально засыпали всевозможными предметами одежды. Не успевшего опомниться посетителя энергично рядили в разное платье, заставляя обязательно приседать и поднимать руки вверх для уверенности, что «под мышками пиджачок не жмет», а «брючки в шаг не треснут». И хоть цену заломили невероятную, уйти без покупки было невозможно.

Дома, разглядывая обнову, бедолага понимал, что выбрал плохое, заплатил втридорога и клялся-божился больше в этом районе товар не брать.

Торговцы с рук часто обманывали покупателей, продавая им «полуфабрикат». Скроенную ткань сметывали, края загибали, склеивали клейстером и утюжили. Получалось бутафорское платье, размокшее от первого дождя. Для убеждения в высоком качестве товара применялся такой приговор: «Не наклею тебе продаю, а от руки шитое. Износу вещи не будет, на железной нитке. Мы с тобой люди бедные, в трубы дуем медные... Пять рублей шестьдесят и бери брюки на две ноги, франти! Меньше не отдам, наживаю один целковый».

Этот переплет еще Пушкина помнит...

Совершенно иной мир представляли букинисты и книжные торговцы. В воскресенье, в седьмом часу утра, на старой Сухаревке (рынок на Сухаревской площади с середины XIX века был торговым центром букинистов и продавцов старины) суетился народ. В палатках книжного ряда торговали те, у кого был оборотный капитал, должный ассортимент или каталог товаров. За палатками на мостовой устраи-

вались «земляники», более слабые продавцы. Первым еще до открытия базара приезжал владелец книжного магазина на Сретенке, он осматривал редкости, выкупал их у владельцев и отправлял к себе на склад. У «развала» сновал книжник по прозвищу «Пачечник». Его специальность – «пачечная липа». Неделию он скупал всякую книжную дрянь, переплетал ее в приличные папки и наклеивал на корешки несоответствующие содержанию названия. Все это крепко увязывал бечевкой в пачку и продал по сходной цене оптом, поэтому под этикеткой «Полное собрание сочинений Некрасова» в ней вполне могли оказаться «Рецепты мыловарения». Своими жертвами мошенник выбирал лиц духовных и состоятельных, так как они реже шли на скандал.

Еще одна из наиболее типичных проделок уличных торговцев: «дать в долг» простодушному покупателю залежавшиеся и разрозненные издания, которые продать некому: «Захватите с собой, мы вам верим. Может, что-то и почерпнете из них». Такая сделка завершалась без риска для продавца – товар-то бросовый! Зато потом, встречая «своего» покупателя, кредитор при посторонних лицах, развязно и с обидой в голосе отчитывал: «Долго денег не несете, нехорошо так делать». Не ожидавший ничего подобного, должник отдавал последние деньги и значительно больше, чем надо было на самом деле.

Балагурили и каламбурили на Сухаревке не меньше, чем в других торговых местах Москвы: «Это не экземпляр, а конфетка леденистая. Переплет Пушкина помнит... Может, и сам Пушкин ее читал. Ничего нигде не приписал? Посмотрите хорошенько!»; «Этого покупателя метлой по затылку! Вчера час битый рылся, все перевернул, а взял на рубль сорок копеек...»; «Вы ему (продавцу – прим. автора), когда покупаете, в глаза посмотрите! Если прищурился, так покупочку проверьте, верных страниц двух нет».

Несмотря на подобные эксцессы Сухаревку все же можно считать своеобразным университетом книжной торговли, где многие достойные люди научились организации букинистического дела.

В четыре часа дня староста рынка Иван Матвеевич Груздев звонил в колокол, извещая о конце продажи. Все разбредались по чайным на беседу или обмен мнениями. В Москве существовало несколько трактиров, среди них «Орел» на Сухаревке и «Абросимова» на Лубянке, которые являлись специальными биржами букинистов. В абросимовском трактире был особый книжный зал со складом литературы, где хранилось до 150 пудов предназначенных для продажи книг. Не случайно по вечерам к «Абросимову» стекалась вся букинистическая Москва. Сюда

Вид на Верхнюю Таганскую площадь и Таганский проезд. С XVII века здесь существовал привозной рынок. В начале XVIII века уже были постоянные торговые палатки и каменные лавки. После пожара 1812 года на площади строятся каменные торговые ряды по проекту архитектора О.И. Бове, разделившие Таганскую площадь на Верхнюю и Нижнюю. Ряды просуществовали до 1963 года

Знаменитая Каланчевская площадь, известная сегодня как Комсомольская, всегда играла важнейшую роль в жизни Москвы, являясь главным железнодорожным узлом России. Здесь, в 1844–1851 годах, был построен на месте артиллерийского полевого двора первый московский железнодорожный вокзал – Петербурго-Московский, а ныне Ленинградский

приходили не только владельцы небольших «подзаборных мест», но даже крупные фирмы засылали своих представителей.

В зале трактира стоял стол, который всегда занимала весьма примечательная личность – Федор Петрович Теплухин, владевший залежами книг особого зала «Абросимова». Раньше он был скобяником, а приобщение любого человека к торговле книгами считал особо нравственным делом. Поэтому, сидя в трактире, он с удовольствием снабжал товаром даже в кредит бульварных «бойцов», которые предлагали прохожим залежалый товар по сходной цене. К бульварным книжникам примешивались лубочники, сбывавшие размалеванные литографии, посвященные различным событиям, записные книжки и канцелярские товары.

К «Абросимову» захаживали не только любители чтения. Так как полиция держала книжников под бдительным надзором, появлялись здесь и ее тайные агенты. Для отвода глаз они проявляли «коллекционерский» интерес, особенно к революционной литературе, скупая ее, чтобы переправить потом «по начальству».

Конь без узды

Здесь же, на Сухаревке располагался и антикварный рынок, собиравший возле себя ученых, состоятельных людей, просто любителей и барышников всевозможного типа. Первым рынок помогал выявлять редкие музейные экспонаты, вторые с его помощью окружали себя роскошью, третьи утоляли эстетическую жажду, а четвертых он просто кормил.

В антикварных рядах можно было найти бронзовые люстры, старинный пистолет, портреты неизвестных дам и кавалеров, фарфор и сарафаны времен боярыни Морозовой. Около этого богатства толпились любители и просто любопытные. Продавцы держались солидно или угодливо в зависимости от толщины кошелька прохожего. За советом или экспертизой обращались к старосте И.М. Груздеву (мы упоминали о нем раньше), который слыл большим специалистом и чудаком. Чудачество его выражалось в необыкновенной любви к воробьям. Для них он выставлял на крыше своей палатки кормушки. Других же птиц – ворон и галок нещадно гонял помелом, ради чего даже прекращал разговоры с покупателями. Мнение Ивана Матвеевича о той или иной старинной вещи не оспаривалось, его все слушали и пререканий избегали.

Антиквари и их клиенты были разбросаны по всей Москве. В Леонтьевском переулке в двухэтажном доме с маленькими зарешеченными оконцами хранил свои

богатства невысокий щуплый старичок Ерыкалов. Каждого пришедшего он рассматривал в дверную щель и, в зависимости от настроения, впускал посетителя внутрь, или кричал: «Ерыкалова нет дома», хотя это он и был. Однажды не пожелал открыть дверь приехавшему специально из Петербурга великому князю. Так и уехал ни с чем вельможный покупатель.

Антиквария была той областью, в которой разбогатеть или разориться можно было одинаково легко. Одно время ходил по Москве рассказ о таком случае. Купил некто Кузнецов в Биряльске под Казанью топорик. Его нашли в земле ребятишки и кололи им орехи. На Нижегородской ярмарке тот топорик у Кузнецова перекупил за 75 рублей московский антиквар Иванов. А в Москве пошел о том топорике слух, что редкость он большая. Из Исторического музея князь Щербатов просил продать его, так как это, якобы, Андрея Боголюбского бердыш. Иванов солгал, что уже отдал топорик иностранцам. Тогда князь Щербатов пожаловался великому князю Сергею Александровичу и просил оставить топорик в России. Иванова вызвали и сказали: хочешь в Москве проживать, так отдай вещь. Пришлось Иванову топорик отдать в музей. Правда, в награду он получил 500 рублей.

Сходились антикварианты в чайных Сухаревского, Тишинского и Смоленского рынков и в трактире «Сокол» на Цветном бульваре. Около пузатого самовара вели беседы о диковинных вещах и приключениях в провинции, показывали и обсуждали новые приобретения, и встречались со старьевщиками.

Среди любителей старины встречались и люди небогатые. Одно время, с утра и до закрытия бродил по Сухаревскому рынку старик в широкой «николаевской» шинели. Роясь в товаре, он незаметно прятал под шинель небольшие вещицы – расшитый бисером кошелек или курительную трубку. У старика был тонкий вкус, и выбирал он только первоклассные вещи хорошей сохранности. Появлялся на рынке и один профессор истории русской словесности, равнодушный к старинным рукописям. Увидит, бывало, интересный документ, заволнуется, возьмет и спрячет в карман. Продавец начнет возмущаться, а тот сунет под нос оторопевшему рыночнику кулак и добавляет: «Зайди ко мне домой, водки выпьешь, а заплачу когда-нибудь...».

Даже состоятельные люди любили поторговаться. Коллекционер Бахрушин (музей его имени стоит на площади Павелецкого вокзала), например, брал у своего поставщика Николая Кокурина понравившуюся вещь, прятал ее во вместительный ящик письменного стола и торговался несколько дней. Разговоры длились по два часа и сопровождалась

чаепитием с закусками до тех пор, пока спорщики не сходились в цене.

Мошенничество с антиквариатом имело разные формы. Одна из самых распространенных – когда «конь» приводил «жениха» к «невесте». «Конями» называли опустившихся интеллигентов или мелких спекулянтов, не имевших возможности совершать самостоятельно большие торговые операции, и получавших проценты от патрона за переманивание выгодного покупателя. «Невестами» в Москве окрестили обнищавших старушек благородного происхождения. Для них на окраине города кто-нибудь из антиквариантов снимал домик-особняк и обставлял его из кладовой своего магазина, вешал копии старинных картин, в горку помещал «новодельный» фарфор. «Конь» должен был привести в дом собирателя старины «жениха» для покупки «из первых рук» вещей. Таким образом, он помогал своему патрону сбывать ненужные предметы. «Невесты» время от времени переселялись в другие районы города и давали в газете объявления о продаже привезенных из деревни фамильных ценностей. Поговорка о плохо идущих делах «невест» звучала так: «Невеста без места, а конь без узда».

В 70-х годах XIX столетия хозяева промышленных и торговых предприятий стали проявлять интерес к рекламе, – и на центральных улицах и площадях Москвы и Петербурга появились первые рекламные тумбы и столбы, украшенными яркими плакатами, зазывавшими купить тот или иной товар.

Из фондов Государственного исторического музея

Копированием старинных миниатюр занимались одиночки-реставраторы из среды московских художников, а также целые заграничные фирмы. Известен случай, когда к Николаю Кокурину приехал коммивояжер одной австрийской фирмы и привез с собой превосходные состаренные копии миниатюр. К чести Кокурина, он отказался от операций с подделками, но эти предметы долго еще ходили среди покупателей как подлинники старые оригиналы.

Одно любопытное происшествие случилось с петербургским антикварным специалистом Менделем Свердловым. Один из великих князей, услышав про крупного специалиста, решил показать ему свою коллекцию. Вещи в ней были разные – и хорошие, и слабые, но одна фарфоровая фигурка наделала особенно много шума. Мендель признал ее, точно описал на ней все клейма и царапины и добавил, что статуэтка месяц назад была куплена у него одним графом. Князь смутился и, быстро попрощавшись, ушел. Вместо него выбежал генерал и набросился на эксперта с угрозами. Оказывается, эту фигурку как свою фамильную редкость верноподданнически поднес великому князю один известный граф и получил за это милости! Менделю пришлось признать, что он обознался, иначе ему грозила высылка из города.

Реклама парфюмерного магазина 1900 года

Особой кастой среди собирателей и продавцов старинных вещей были антиквары-иконники. Чаще всего этим делом занимались иконописцы и реставраторы религиозных предметов. Они объезжали в поисках икон дальние провинции, где выменивали или скупали задешево настоящие шедевры. Но нередко встречались и фармазоны, процветавшие на том, что распознать ценную иконопись подчас и специалистам было сложно.

Для «создания» поддельных икон существовали целые артели профессионалов, использовавшие старые доски. Технология была такова: сначала писали икону древнего образца, а потом слой за слоем накладывали более свежие изображения. Когда икона была покрыта последним слоем темной олифы и выдержана в сухом помещении, на ее поверхности делали небольшую расчистку до «древнего» слоя. Покупателю «старину» отдавали со словами: «Иконочка, святой образок, изволисте видеть, не позднее века пятнадцатого, да записана. Расчищать надобно, получится первоклассная вещь для вашего собрания». На эту удочку и попадался коллекционер – и новодел приобретал, и на дополнительные расходы по приведению иконы в первоначальное состояние соглашался. Но, как говорится, охота пуще неволи...